

Антропологический и «культурологический» повороты затронули и историю экономики, при этом «история общественно-экономических формаций и производства трансформировалась в историю предпринимательства и предпринимателей» [4, с. 79]. В настоящее время значительно расширилось применение биографического метода, когда наряду с обращением к жизни и деятельности «сильных мира сего» – императоров, царей, великих князей, известных ученых, «растет число индивидуальных жизнеописаний людей, которых никак не назовешь выдающимися историческими деятелями» [9, с. 263].

К ним относятся работники кооперативных организаций, представители демократической интеллигенции, которые в ходе своей кропотливой и подчас незаметной работы в области культуры и просвещения выполняли важную просветительскую миссию. Выявление активных участников кооперативного движения, представителей различных социальных групп общества, изучение их роли в повышении культурного и образовательного уровня кооперированного населения вносит немалый вклад в историю культуры российской провинции.

Культурно-просветительную деятельность кооперации нельзя изучать без применения методов новой локальной истории, краеведения, регионоведения, регионалистики и региональной истории. Все события, происходившие в кооперативных организациях на местах, отражали общие процессы в кооперативном движении страны, что было обусловлено государственным регулированием и законодательным обеспечением работы кооперативов в области культуры и просвещения в первой трети XX века.

Таким образом, междисциплинарный подход в познании конкретного исторического явления, к которому относится непосредственная работа кооперативных организаций в области культуры и просвещения, позволяет решать научно-исследовательские задачи на стыке истории и других научных дисциплин. В данном случае прошлое рассматривается как целостная историческая реальность, за счет интеграции знаний предметного характера достигается его полное описание, объяснение и понимание.

1. Барг М. А. Эпохи и идеи: Становление историзма / М. А. Барг. – Москва: Мысль, 1987. – 348 с.
2. Берк П. Историческая антропология и новая культурная история / П. Берк // Новое литературное обозрение. – 2005. – № 75. – С. 64–91.
3. Блок М. Апология истории или ремесло историка / М. Блок. – Москва: Наука, 1986. – 254 с.
4. Керов В. В. «Антропологический поворот» экономической истории России в исследованиях Ю. А. Петрова / В. В. Керов // Российская история. – 2015. – № 3. – С. 78–89.
5. Кром М. М. Историческая антропология / М. М. Кром. – Санкт-Петербург, Москва, 2010. – 214 с.
6. Николаев А. А. Кооперация и культура / А. А. Николаев // Кооперативная жизнь. – 1918. – № 1. – С. 19.
7. Поршнева О. С. Междисциплинарные методы в историко-антропологических исследованиях / О. С. Поршнева. – Екатеринбург, 2005. – 136 с.
8. Репина Л. П. Интердисциплинарная история вчера, сегодня, завтра ... / Л. П. Репина // Междисциплинарные подходы к изучению прошлого / Под ред. Л. П. Репиной. – Москва: Аспект Пресс, 2003. – С. 5–18.
9. Репина Л. П. История исторического знания / Л. П. Репина, В. В. Зверева, М. Ю. Парамонова. – Москва: Дрофа, 2006. – 288 с.

ЛИЧНОСТНЫЙ ФАКТОР ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ США: СПЕЦИФИКА ИССЛЕДОВАНИЯ

С.М. Пик (Львов, Украина)

Международные отношения во многом определяются личностными характеристиками лидеров государств, которые осуществляют внешнюю политику своих стран на международной арене. И чем выше позиция государства в международной иерархии, тем внимательнее к мнению его главы прислушивается сообщество. Например, высказывания президента США Д. Трампа по многим актуальным вопросам международных отношений вызывают если не резонанс, то по крайней мере дают почву для размышлений в среде экспертов. Разумеется, высказывания президента и проводимый государственным департаментом США внешнеполитический курс – вещи не совсем тождественные, все же влияние президента на внешнюю политику остается огромнейшим. В этом контексте интересно узнать, как личностные характеристики главы государства влияют на процесс принятия внешнеполитических решений.

Исследования такого рода носят междисциплинарный характер: анализ внешней политики и история международных отношений дают понимание обстоятельств, в рамках которых принимались внешнеполитические решения, а психология помогает определить роль личностного фактора в принятии этих решений.

В основе методологии исследования – антропологический и бихевиористский подходы к восприятию международных отношений сквозь призму поведения личности, пребывающей у власти. Использование общих философских и исторических методов конкретизируется с помощью методов анализа: дескриптивного и сравнительного анализа, анализа иерархических процессов, анализа принятия политических решений. Что касается личностного фактора, то для определения его влияния наиболее уместна пятифакторная модель (англ. Five Factor Model), разработанная во второй половине 1980-х гг. американскими психологами Полем Коста (P. T. Costa, jr.) и Робертом МакКре (R. R. McCrae) [5]. Модель сводит личностные характеристики индивида в пять основных факторов: *открытость опыту*, *сознательность*, *экстраверсию*, *добросовестность*, *невротизм* (англ. Openness to Experience, Conscientiousness, Extroversion, Agreeableness, Neuroticism – OCEAN). Каждый фактор представляет собой абстрактное ото-

бражение суммы соответствующих личностных характеристик, полученных в процессе исследования биографии индивида, персонального тестирования и опроса его ближайшего окружения, специализированного тестирования определенных черт характера индивида. Тут преобладает биологический (генетический) подход, сторонники которого утверждают, что основные черты характера индивида не зависят от жизненных обстоятельств, а, напротив, влияют и даже определяют его поведение в различных ситуациях.

Параллельно с пятифакторной моделью П. Косты и Р. МакКре “работает” предложенная в 1981 г. американским психологом Льюисом Голдбергом (Lewis R. Goldberg) модель с оригинальным названием “The Big Five”. Ее отличие от Five Factor Model состоит в несколько иной интерпретации основных факторов, например, *экстраверсию* здесь называют импульсивностью и даже агрессивной активностью (англ. Surgency), *открытость опыту* – интеллектом, интеллигентностью (англ. Intellect), а *невротизм* – эмоциональной стабильностью (англ. Emotional Stability). Кроме того, если обратить внимание на взаимодействие и корреляции личностных характеристик, которые являются “наполнением” пяти основных факторов, то можно заметить присутствие одних и тех же черт характера в наполнении разных факторов. К примеру, энтузиазм, воодушевленность, энергичность относятся как к абстрактной импульсивности, так и к доброжелательности; организованность, систематичность, точность характеризуют сознательность и в то же время выступают практически антиподом импульсивности; умиротворенность, толерантность, благородство характеризуют как доброжелательность, так и эмоциональную стабильность. В этой связи проявляется разница между Five Factor Model и The Big Five: первая построена по иерархическому принципу – прямой зависимости личностных характеристик низшего порядка основным пяти факторам, а вторая предусматривает циклическую связь между факторами и секторальное наличие соответствующих личностных характеристик, указывающих на силу или слабость того или иного фактора [2, с. 169–180].

Можно сказать, что Five Factor Model и The Big Five если не дополняют друг друга, то существенно выступают в поддержку подхода к изучению личности на основе пяти факторов. Эти модели с конца 1990-х гг. постепенно вытеснили предшествующие модели, например, 16-ти факторную модель британского психолога Раймонда Кеттелла (R. Cattell) и PEN Model британского психолога Ганса Айзенка (H. J. Eysenck) и на сегодняшний день являются наиболее оптимальным инструментом познания личности. К пяти абстрактным факторам (четырем “темпераментным” и одному “интеллектуальному”) возможно будут добавлены шестой – *честность* или *скромность* (англ. Honesty, Humility) и седьмой – *личная привлекательность* (англ. Personal Attractiveness), но пока эти предложения обновления пятифакторной модели остаются на уровне идеи [1].

Изучая личность на основании пятифакторной модели, можно определить доминирующий фактор, который влияет на выбор окружения и стиль поведения индивида. Тот же доминирующий фактор личности главы государства играет решающую роль в процессе реализации внешней политики и в характере принимаемых внешнеполитических решений. Например, высокие индексы *открытости опыту* указывают на широту взглядов, интересов индивида, склонность к нестандартному мышлению и философствованию, отличные интеллектуальные способности, восприимчивость к эстетике и творческим впечатлениям. Уровень *сознательности* говорит о том, насколько индивид склонен учитывать мнение окружающих при принятии решений, как хорошо (или плохо) он организован и целеустремлен. *Экстраверсия* ассоциируется с энтузиазмом, оптимизмом, энергичностью, позитивной эмоциональностью, социальной активностью, а также доминированием. В некоторой степени от уровня *экстраверсии* зависит и уровень *доброжелательности*, а это дружелюбие, внимание и заботливость, эмоциональная поддержка, доверительность, доброта и даже альтруизм. *Невротизм* показывает индивидуальные различия в восприятии стрессовых ситуаций. Личности с высокими показателями этого фактора часто пребывают в нервном напряжении или депрессивном состоянии, испытывают чувство фрустрации и даже вины, у них низкая самооценка, склонность к неконтролируемой импульсивности, а также к иррациональному мышлению. Помимо этого, интересно наблюдать взаимодействие двух доминирующих личностных факторов, а именно корреляции *открытости опыту* и *сознательности*, *сознательности* и *доброжелательности*, *экстраверсии* и *невротизма* [5, с. 195–198].

Характер влияния личностного фактора во внешней политике можно дополнительно определить ретроспективно, полагаясь на исторические материалы. Известный феномен “особых отношений” между США и Великобританией невозможно себе представить без личного вклада в их развитие президента Ф. Рузвельта (и, конечно, премьер-министра У. Черчилля). Волевым решением президента Г. Трумена осуществить ядерные бомбардировки Японии было принято вопреки коллективному мнению большинства разработчиков этого смертоносного оружия. Налаживание дипломатических отношений США с КНР в 1970-х гг. состоялось благодаря непоколебимой уверенности президента Р. Никсона в том, что это было политически выгодно Соединенным Штатам. В свое время президент Р. Рейган занимал достаточно жесткую позицию на переговорах с руководством СССР по вопросам разоружения и это диктовалось не только объективными соображениями. Военные интервенции США в Афганистан 2001 г. и Ирак 2003 г.

начались после соответствующих решений, принятых в администрации президента Дж. У. Буша, хотя, будь на его месте президент У. Клинтон, вряд ли стоило бы ожидать похожей реакции на угрозу национальной безопасности США.

Сегодня много вопросов вызывает поведение президента Д. Трампа, особенно в области внешней политики США. Непредсказуемость и склонность к сенсационным заявлениям наводят на мысль о преобладании *невротизма* и *экстраверсии* в характере президента с низким индексом *сознательности*. Отсюда вывод психологов о нарциссизме Д. Трампа, который своими действиями – отнюдь не рациональными с точки зрения здравого смысла, умышленно (или нет) создает для своих оппонентов стрессовые ситуации, правда выходя из них (пока) победителем [4]. Однако в отношении ядерной политики КНДР ситуация настолько накалена, что лидерам обоих государств придется приложить максимум усилий, если они хотят избежать катастрофы и сохранить мир. Ведь Ким Чен Ын – личность не менее противоречивая, чем Д. Трамп.

1. Fehring, H. M. Contributions and Limitations of Cattell's Sixteen Personality Factor Model / H. M. Fehring [Electronic resource]. – Mode of access: <http://www.personalityresearch.org/papers/fehriinger.html>. – Date of access: 18.01.2018.
2. Goldberg, L. R. The Structure of Personality Traits: Vertical and Horizontal Aspects. – Studying Lives Through Time: Personality and Development / Ed. by D. C. Funder, R. D. Parke, C. Tomlinson-Keasey, K. Widaman. – Washington, D. C.: American Psychological Association, 1993. – P. 169–188.
3. Kahl, C. The United States Should Resolve to Avoid War With North Korea in 2018 / Colin Kahl // Foreign Policy. – 2017. – Dec., 27 [Electronic resource]. – Mode of access: http://foreignpolicy.com/2017/12/27/the-united-states-should-resolve-to-avoid-war-with-north-korea-in-2018/?utm_content. – Date of access: 18.01.2018.
4. Marano, H. E. Shrinks Battle Over Diagnosing Donald Trump. Chaos in the White House fuels discord amongst the experts / Hara Estroff Marano. – 2017. – Jan., 31 [Electronic resource]. – Mode of access: <http://www.psychologytoday.com/blog/brainsstorm/201701/shrinks-battle-over-diagnosing-donald-trump>. – Date of access: 18.01.2018.
5. McCrae, R. R., John, O. P. An Introduction to the Five Factor Model and Its Applications / R. R. McCrae, O. P. John // Journal of Personality. – 1992. – N 60. – P. 175–215.

КАКИЕ НАУЧНЫЕ ТЕРМИНЫ НУЖНО ПРИМЕНЯТЬ?

Э.Г. Иоффе (Минск, Беларусь)

За последние 25 лет белорусская историческая наука достигла немалых успехов в освещении неизвестных и малоизвестных страниц истории Белоруссии в годы Великой Отечественной войны, в исследовании «белых пятен» в историографии и источниковедении истории этого судьбоносного периода в истории белорусского народа.

В то же время в работах историков этой важной проблемы наблюдается разноречивость в использовании научных терминов, который очень вредит объективности и правдивости изучения истории Беларуси в 1941-1945 годах.

Так, в издании «Памяць Беларусі: Рэспубліканская кніга» есть такие строки: «З першых дзён фашысцкай акупацыі на тэрыторыі Беларусі быў устаноўлены крываваы акупацыйны рэжым, які ажыццяўляўся войскамі вермахта, нямецка-фашысцкай акупацыйнай адміністрацыяй, службамі СД і СС, ваенна-палявымі і мясцовымі камендатурамі, паліцыяй і жандармерыяй. Маючы на мэце ліквідацыю нацыянальнай дзяржаўнасці Беларусі і пераўтварэнне яе ў калонію Германіі, фашысты расчлانیлі тэрыторыю Беларускай ССР...» [7, с.22-23]. Термины «нямецка-фашысцкі апарат», «антыфашысцкая барацьба», «антыфашысцкі рух», «нямецка-фашысцкімі войскамі» можно найти в пятом томе шеститомника «Гісторыя Беларусі» под редакцией академика М.Костюка [3, с.487, 490, 550, 590].

Дело в том, что термины «фашизм», «фашысты» стали стереотипами со времён Великой Отечественной войны и не отражают всей сущности режима, который сложился в Германии в 1933-1945 годах, его проводников и сторонников. Частично это объясняется сходством многих черт политического режима в СССР времён Сталина и Германии времён Гитлера и то, что единственной правящей партией Германии была Национал-социалистическая рабочая партия Германии, а в СССР – Всесоюзная Коммунистическая партия (большевиков), в построении которых было немало общего. Советская пропаганда делала всё, чтобы рядовые граждане не видели никаких проявлений общности и подобия нацизма и сталинизма. И тогда по воле «великого вождя народов» было принято решение вместо термина «нацизм» преимущественно использовать термин «фашизм».

Дело дошло до того, что термин «нацизм» исчез в большинстве энциклопедических изданий, включая «Военный энциклопедический словарь» (М., 1983), «Великая Отечественная война: энциклопедия» (М., 1985), «Беларусь у Вялікай Айчыннай вайне 1941-1945 гг. Энцыклапедыя» (Мінск, 1990). Вы не найдёте этого термина во «Всемирном энциклопедическом словаре» на 60 тысяч словарных статей и 1640 страниц (Минск, 2003), в пятом томе энциклопедии «Республика Беларусь» (Минск, 2007), в «Ваеннай энцыклапедыі Беларусі», вышедшей в свет в Минске в 2010 году..